

Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика потестарно-политические функции. Памяти Л. Е. Куббеля. Отв. ред. В. А. Попов. М., 1993, 336 с.

Сборник открывает статья о Льеве Евгеньевиче Куббеле (1929—1988) — историке, этнологе, источниковеде. Ему, как и многим из нас, пишет автор статьи Ю. К. Поплинский, приходилось постоянно ощущать недремлющее око идеологического цензора (с. 17). Ученые были вынуждены укладывать факты в прокрустову ложе идеологической догмы, подавать их «в свете ленинского учения»¹ и т. п. Тем не менее даже в то время Л. Е. Куббель выдвигал новые идеи. В частности, он одним из первых отметил, что государства возникали еще до появления частной собственности на землю. Существенный вклад в науку представляет его последний фундаментальный труд «Очерки потестарно-политической этнографии»².

О. Ю. Артемова убедительно показывает наличие социального неравенства у бродячих охотников и собирателей Австралии, живших до конца XVIII в. в изоляции от остального мира. А у бродячих охотников и собирателей (бушменов Африки, негритосов Малакки, палиян Индии) она отмечает «полное или почти полное равенство статусов полов и во внутрисемейной, и в общественной жизни» (с. 54), хотя и приводит некоторые факты, говорящие все же о верховенстве мужчин (с. 56). В отличие от аборигенов Австралии эти племена жили в окружении земледельцев и скотоводов, в тесном контакте с ними, что ставило мужчин в сложное положение, ограничивало их социальную активность и выравнивало в какой-то мере статус полов.

П. Л. Белков фиксирует у аборигенов Австралии наличие неравенства между мужчинами и подростками мужского пола, еще не прошедшими обряды инициации. Подростки, пройдя обряды инициации, перейдут в мужской правящий слой. Женщины из управляемого положения никогда не перейдут в мужской правящий слой. П. Л. Белков прав, отмечая, что мужчины и женщины в обществе аборигенов — это естественные классы (с. 80). На основе обрядов инициации у меланезийцев возникают ранговые и тайные союзы, которые опять же недоступны для женщин. Папуасы и меланезийцы, проклинавшие колониальный режим, низведший их из правящего слоя в управляемый, говорят: «Среди нас больше не осталось мужчин, теперь мы женщины»³.

В. А. Шнирельман пишет о стадильном соотношении между ранними земледельцами, с одной стороны, и оседлыми и полуседлыми охотниками и рыбаками, с другой. В недавнем прошлом обществам последних, справедливо отмечает он, отводилась роль «уникальных структур» (с. 98). «Сейчас есть основания, — пишет он, — для нового подхода к решению этих вопросов. Этому способствует более глубокое осмысление эволюции социальной структуры в доклассовых и предклассовых обществах, сделанное с помощью широких сравнительных исследований» (с. 114). Такой подход В. А. Шнирельман представил в двух своих статьях, опубликованных в сборнике «История первобытного общества» (М., 1986), на которые он и ссылается. В недавнем прошлом, изучая традиционную социальную структуру, например, ительменов Камчатки, обращали внимание только на семью и род, которые трудно было уложить в общепринятую схему. Теперь появилась возможность полной изучить общину, и стало ясно, что социальная структура рыбаков Камчатки не уникальна. «Картина становления института лидерства, — пишет В. А. Шнирельман, — разительно напоминает ту, которая наблюдалась у наиболее примитивных земледельцев» (с. 117). Он уделяет много внимания производству средств к существованию (с. 98—114) и мало — самому существованию (с. 115—117). Создается упрощенное представление, что почти вся жизнь людей сводилась к ловле рыбы и заготовке ее впрок.

Статья Н. М. Гиренко «Племя и государство: проблема эволюции» посвящена анализу сложного и мало исследованного процесса перехода от племени к государству. В ней совершенно справедливо отмечено, что в племени акцент делается на связи по родству, границы племенной территории подвижны, нечетки (с. 130). В государстве, напротив, подчеркнуты территориальные связи, границы государства более четко определены. Автор выделяет два варианта перехода от племени к государству, — естественный и колониальный. В первом государстве, как правило, состоит из центра и подчиненной ему периферии, представляет собой «мерцающее» образование (с. 127). Во втором варианте в роли «центра» выступает колониальная власть, а в роли «периферии» — местное население колонии, границы которой четко определены. Колониальная власть ставит себе на службу племенных вождей, отрывая их от общинной жизни. В результате государство и племена сосуществуют. Такова возможная картина перехода от племени к государству, нарисованная автором.

Танаанийцы смотрят на будущее, отмечает В. В. Бочаров, — «как на воспроизводство данных в прошлом общественных норм, передаваемых и освящаемых предшествующими поколениями, т. е. традиционных норм» (с. 239—240). Таков их «культурный стереотип», и колониальные власти с ними считались. В период германского владычества (1889—1916) традиционные структуры пришли в упадок и англичане решили их восстановить. «Была организована, — пишет автор, — соответствующая подготовка „традиционных вождей“ (с. 245) — для сбора налогов, привлечения местных жителей к работам на европейских плантациях и т. д. Власти советовались со старейшинами, нанимали для изучения традиций правительственных этнографов. Был издан «Ордонанс о туземных властях». Все распоряжения колониальной администрации выдавались за распоряжения вождя. Вожди, предавшие свой народ, потеряли авторитет среди населения, и чтобы как-то его поднять, «манипулировали традиционными символами, мифами, пословицами и т. д.» (с. 245—246). Отмена института племенных вождей в 1963 г., через 2 года после завоевания независимости, была воспринята как возврат к прежним доколониальным традиционным нормам. Была разработана новая концепция общественного устройства.

Возврат к прошлому (обычно сильно идеализированному) — лозунг многих молодых государств,

недавно покончивших с колониальным режимом. Люди отвергают чуждые им нормы, навязывавшиеся им чужеземцами. Они хотят быть самими собой, возродить традиции предков. Чтобы увидеть свое будущее, полагают папуановогвинейцы, надо вернуться спиной к настоящему и смотреть в прошлое. При этом не обходится без крайностей — отвергается даже английский язык, как «язык колонизаторов».

В. А. Попов прослеживает социальные процессы у аканов, в первую очередь у ашанги, с начала их контактов с европейцами до включения в колонию Золотой Берег. Традиционное общество ашанги состояло из двух основных социальных слоев — правящего и управляемого. В первом главную роль играли вожди. Верховный вождь назначал старейшин из узкого круга наследников, согласно правилу «пока братья не кончились, сыновья не назначаются» (с. 135). Имелась также служилая знать. Под влиянием европейцев появилась торговая элита («богатые»), но человек мог стать богатым лишь в том случае, если входил в правящий слой. И был слой управляемых — свободные общинники («простые люди») и рабы («дети»). В. А. Попов отмечает, что это еще не классы, так как отсутствует различное отношение к собственности на средства производства, и «так как еще не возникло право индивидов по рождению занимать какое-либо положение или должность» (с. 139). Но уже налицо первые признаки наследственных классов, наследование принадлежности к правящему слою по праву рождения.

О силе традиций в древней и в современной жизни малийцев идет речь в статье В. Р. Арсеньева «Мали: традиции культуры и проблемы социально-политического развития». В Мали после обретения независимости воспроизводятся структуры племенного строя. Тайные союзы «вмешиваются во все сферы хозяйственной, социальной, политической и идеологической жизни общества как в деревне, так и в городе, как в вопросы частного, так и государственного характера» (с. 223). Большую роль играют общинно-родовые связи. Конечно, жизнь идет вперед, но традиции очень живучи.

М. А. Родионов в статье «Можно ли отменить социальные страты: уроки Хадрамаута» показывает, что происходит в тех случаях, когда с этим не считаются. Социальное неравенство в Хадрамауте покоилось на генеалогиях, брачных соответствиях, социальных функциях и собственности. Здесь наследственный принцип выражен довольно ярко. Человек наследует принадлежность к социальному слою. Каждый социальный слой имеет свои функции в обществе и свои права на собственность. Новая элита, пришедшая к власти в 1967 г., решила, «что с помощью социальной хирургии она сможет в сжатые сроки построить новое единое общество, не расколотое по стратовому, племенному и локальному признакам» (с. 325). Все страты были отмечены законом, имущество высших страт экспроприровано, льготы отняты. Но традиция оказалась сильнее закона. «Попытка "отменить" социальные страты не удалась... В Хадрамауте восстанавливаются прежние социальные институты... возвращается отнятая собственность» (с. 326).

С. В. Кулланда реконструирует праформы австронезийских и индоевропейских терминов родства. По мнению автора, сначала возникло социальное родство, в рамках одного поколения, и лишь позднее — генеалогическое, между поколениями (с. 286). В этом вопросе автор придерживается концепции В. А. Попова⁴, которая заслуживает внимания и дальнейшей разработки. В частности, желательно объяснить, каким образом эти соционимы (термин В. А. Попова) осмыслились как родство. Трудно допустить, что в рамках семьи не было осознано родство между родителями и детьми. Вопрос в том, как оно осмыслилось (вероятно, это было родство не только «по крови»), и каким образом термины «отец», «мать», «сын», «дочь» и др., слившись с соционимами, породили классификационное родство.

С. Я. Берзина пишет о том, как шел процесс обожествления царя в Мероэ в IX в. до н. э. — IX в. н. э. Имя бога Амона постепенно превращается в царский титул, заменяет понятие «царь». Сначала царь — избраннык бога (царь божьей милостью), потом — сын бога, потом сам — бог. К выводам автора хотелось бы добавить, что на более ранней стадии наблюдается обратный процесс — вождь превращается в бога, а если имя вождя состоит из двух частей, — даже в двух богов.

В. В. Матвеев в статье «К проблеме формационных характеристик северо-африканского общества в VII—X веках» показывает на примере трех крупных государств (государства Аглабидов, имамата Рустамидов, государства Идрисидов) и множества мелких, что основная масса населения сохраняла племенные структуры и традиционные воззрения (с. 216). Эти государства, полагает автор, нельзя назвать ни феодальными, ни даже раннефеодальными. Властные отношения заменяли собой имущественные (с. 208). Шел переход от выборных должностей к наследственным. Автор характеризует эти государственные образования как предклассовые, варварские (с. 218).

А. В. Каратаев выделяет на территории Южной Аравии (X в. до н. э. — IV в. н. э.) два региона: нагорье и окраину пустыни («нижние земли»), отмечая, что социальные структуры нагорья были в древний период более архаичными, чем структуры «нижних земель». Тем не менее, нагорье в средний период начинает политически доминировать (с. 297). Происходит затем общий упадок сабейской цивилизации, ослабление государственной власти, усиление родовых связей (с. 308). В древнем периоде «шли достаточно отчетливые процессы становления частной собственности на землю» (с. 298), а в среднем начался возврат к собственности родовой. Несмотря на это «по некоторым характеристикам среднесабейское общество выглядит даже более развитым, чем древнесабейское» (с. 301). В целом же, по мнению автора, здесь в первых веках нашей эры было варварское королевство (с. 398).

Многие авторы сборника считают, что классы немислимы без наличия частной собственности. Логика такова: нет частной собственности на землю — нет классов (с. 155, 173, 217, 232) — нет государств в марксистском понимании (с. 199). Но факты, приводимые ими же — упрямая вещь. Приходится признать, что государства все же есть, только особые, возникшие до появления имущественных классов. Классы тоже есть (с. 173), но тоже особые — в основе их не частная собственность, а властные отношения и передача должностей по наследству. Можно видеть в таких обществах переходное состояние от первобытно-общинного строя к вторичной, классовой формации (с. 224).

Д. М. Бондаренко, характеризуя древнебенинское общество, критикует Л. Г. Морганя и Ф. Энгельса, Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехина, Ю. М. Кобищанова и И. А. Сванидзе, и многих других за то, что они

характеризовали древний Бенин как раннеклассовое государство. Подвергнута критике также книга Н. Б. Кочаковой, хотя там говорится, что древний Бенин нельзя причислить ни к рабовладельческой, ни к феодальной формации, классы там еще не сложились⁵. «Однако, — пишет Д. М. Бондаренко, — внимательное изучение книги убеждает в том, что общества Бенинского залива относятся Н. Б. Кочаковой к ранней стадии первичной классовой формации с неартикулированными классами, стадии „ранних государств“ (с. 147). Что это такое — неартикулированные классы? Н. Б. Кочакова употребляет термин „цивилизация“, а этот термин, по мнению Д. М. Бондаренко, со времен Л. Г. Моргана и Ф. Энгельса означает классовое общество» (там же).

Обратимся к фактам, приведенным в статье. В Бенине был верховный правитель, старейшины, жрецы, наместники, то есть знать. На другом полюсе были общинники, с которых дважды в год «взималась дань как зачаток государственного налога, а вовсе не феодальная рента» (с. 153). Были также дополнительные и внеочередные поборы (на строительство или ремонт во дворце, для общественных работ), пошлины на вход в город, торговые пошлины, судебные штрафы. Были «военные экспедиции, приносившие дань и рабов» (с. 154) и т. д. Все средства шли на содержание верховного правителя, его дворца и государственного аппарата. Знать имела обширные домохозяйства, получала в «кормление» целые деревни и половину дани, собиравшейся с ряда деревенских общин (с. 161). «Таким образом, — неожиданно заключает автор свою статью, — класс эксплуататоров в Бенине к началу „европейского периода“ не сложился» (с. 165).

Древнее государство ацтеков, судя по фактам, приводимым в статье Е. В. Баглай, находилось по уровню развития между поздней стадией первобытно-общинной формации и античными обществами, в частности древним Римом (с. 172). Автор весьма подробно характеризует различные верхние социальные слои — вождей, жрецов, употребляет по отношению к правящей знати термин «господствующий класс» (с. 173), составляющий около 10% населения. Землю знати обрабатывали общинники, они же готовили пищу для знати, ткали, плели и т. д. Были промежуточные классы — торговцы, ремесленники (с. 183). Были зависимые и рабы. Автор справедливо характеризует общество древних ацтеков как раннеклассовое.

Сборник «Ранние формы социальной стратификации» вводит в научный оборот новый, притом очень обширный фактический материал, взятый из области этнографии, политологии, древней истории, лингвистики. В свете приведенных в нем фактов становится ясно, что социальное равенство, приписывавшееся дописьменным обществам, на самом деле им не свойственно. Особенно ярко это видно на примере неравноправия женщин во многих сферах общественной жизни. Показано далее, что государство возникает до появления классов, основанных на различных отношениях к собственности. Не всегда ясно, к какой социально-экономической формации отнести эти государства и почему социальные страты в них авторы не считают классами. Может быть, настало время приступить к разработке новой периодизации дописьменной и письменной эпох. Может быть, термин «социально-экономическая формация» следует заменить термином «социальная формация» и признать, что в основе классов могут быть властные отношения.

Н. А. Бутинов

Примечания

¹ Куббель Л. Некоторые вопросы развития стран Африки в свете ленинского учения о культурной преемственности // СЭ. 1976. № 2.

² Куббель Л. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988, 269 с.

³ Эри В. Крокодил // Крокодил. Проза Новой Гвинеи. М., 1979, с. 138.

⁴ Попов В. Половозрастная стратификация и возрастные классы древнеакаянского общества (к постановке проблемы) // СЭ. 1981. № 6.

⁵ Кочакова Н. Рождение африканской цивилизации. Ифе. Ойо. Бенин. Дагомея. М., 1986, с. 9.